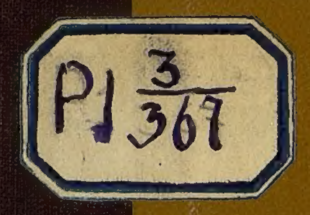

РУССКИЕ СОЛДАТЫ ВО ФРАНЦИИ.

Цена 3 рубля.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1919.

Никем из книгопродавцев указанная на книге **цена не может быть повышена.**

Государственное Издательство.

Вместо предисловия.

Настоящая брошюра о тяжелых мучениях, выпавших на долю русских солдат, отправленных царем во Францию на помощь союзной буржуазии, составлена делегацией от инвалидов, вернувшихся из Франции: т.т. А. Удовым, М. Прусаковым, Ф. Булатовым и С. Филипьичевым. Доклад, так ярко рисующий подлое поведение союзной буржуазии по отношению к русскому народу, печатается без всяких изменений, не считая чисто стилистических.

В начале января 1916 года по приказу Николая II была сформирована 1-я русская пехотная бригада под начальством генерала Лохвицкого и отправлена для военных действий против Германии на французский фронт, а 7/20 апреля 1916 года она высадилась в порту Марсель, во Франции, в количестве около 8.000 человек.

Русские командиры вдали от России превышали власть на каждом шагу: 1) не давали положенного солдатам довольствия и всегда урезывали его; 2) во время железнодорожного и морского пути во Францию и в последующее время беспощадно секли солдат розгами и очень часто применяли мордобитие; 3) лишали солдат денежного довольствия во время лечения их в госпиталях.

По прибытии во Францию после почти 2-хмесячной муштровки в лагере Маи 1-я особая пехотная бригада заняла передовые линии на шампанском фронте.

Вскоре вслед за 1-й бригадой, в августе 1916 года, из России прибыли 3-я особая бригада (5 и 6 полки), такою же численностью, как и первая, и, кроме этого, 2 маршевых батальона для пополнения этих полков. Таким образом, общая численность отряда доходила до 27.000 человек.

Почти за год нахождения на фронте обе бригады много раз участвовали в боях, где показали свою железную стойкость, оставив большое количество убитыми, калеками и ранеными.

Февральская русская революция застала 1-ю бригаду на передовых позициях, а 3-ю бригаду—только-что вышедшей на отдых в лагерь Маи.

Солдаты узнали о начале революции из французских газет. Хотя были уже приказы от русского Временного правительства, но начальство их не опубликовывало, во что-то еще веря и чего-то ожидая. Об организации войсковых комитетов, объявленных в начале революции, солдатам ничего не говорили, но солдаты сами узнали из газет и приступили к их организации. За эти самостоятельные начинания поплатилась 3-я бригада, которая в тот же день без отдыха была отправлена на передовые позиции, а затем вскоре, 3-го апреля 1917 года, обе бригады были брошены в бой (наступление от Суассона до Оберива) около города Реймса для занятия германского форта Бримона и сильно укрепленной деревни Курси. Четырехдневный бой, ужасный по своим кровавым последствиям, дал не одну

тысячу убитых, раненых и тяжело контуженных солдат. На 4-й день, ко дню смены, в ротах оставалось в строю от 15 до 25 человек.

Офицерство в большинстве случаев уклонялось от боя, пряталось в своих окопах и землянках.

Чем оплатилась такая жертва русских рабочих и крестьян, переодетых в серые шинели?

Искалеченные и больные, они были разбросаны по госпиталям всей Франции, где не было не только русского медицинского персонала, но не было даже переводчиков. Последние предпочитали тереться около различных штабов, чем помогать этим страдальцам-солдатам. Лечение было скверное; обращение в большинстве случаев—самое грубое, доходившее до побоев со стороны врачей (например, в госпитале Мишле в Париже); за тяжело больными и ранеными уход был слабый; тех, кто мог ходить, принуждали работать на кухне и по уборке помещений.

Об этом горе наших калек присылались ежедневно десятки писем в полковые и ротные комитеты с мольбой о помощи.

Оставшиеся в строю после боя солдаты перегонялись из деревни в деревню около фронта. В разъединенном виде, маленькими группами размещали их на ночлег по конюшням и сараям, хотя были свободные и хорошие квартиры. О заслуженном отдыхе не было и помина. Измученные на позициях в боях и во время скитания по деревням солдаты начали просить отправки в лагерь для отдыха; им обещали и только в середине мая перевели, но не в лагерь, а просто в те же конюшни и сараи, около оборудованного лагеря Нев-Шато.

Место стоянки было такое, что кругом, куда ни ступишь, везде крестьянская земля, и всюду нужно было платить за ее порчу; деньги платились из солдатских экономических сумм. Так жалкие остатки полков были разбросаны в нескольких десятках деревень.

В это время по распоряжению генерала Лохвицкого да и по личному почину врачи выписывали больных и раненых с незажившими ранами, торопя их скорее в полки, с целью снова бросить все силы в бой.

Лагерь Ля-Куртин.

16 мая генер. Лохвицкий издал приказ о немедленном начале усиленных занятий, чтобы отряд через две недели смог опять стать на передовые линии фронта. Но возмущенные издевательством, обманом (непосылкой в лагерь) и вопиющими госпитальными условиями, в которых находились раненые товарищи, солдаты решили на занятия не итти. На это вначале посмотрели как на военную забастовку, но все-таки обещали лагерь дать и впоследствии

дали лагерь ля-Куртин. Здесь в первой половине июня были собраны полки и маршевые батальоны всего отряда во Франции.

В это время в 3-й бригаде царила старорежимная романовская дисциплина, с отданием чести офицерам, с вытяжкой во фронт, несмотря на то, что вообще отдание чести отменено. Отношение французов к русскому отряду ухудшалось с каждым днем, все чаще и чаще слово „бош“ (бранное название немцев) слышалось по адресу русских солдат. Переводчики при полках вели среди населения самую гнусную травлю, объясняя всем, что русские солдаты проданы Николаем II Франции за снаряды.

Генерал Занкевич (представитель Временного правительства во Франции) приказал начать занятия в лагере Куртин с 22 июня, но низшее офицерство распорядилось начать их 21 июня.

Вечером 21 июня 1-я бригада собралась на общий митинг на котором было вынесено такое решение: в виду постоянного обмана и издевательства, нарушающего самые элементарные права человека (пример—госпитальный вопрос), со стороны нашего и французского начальства, учитывая ложное освещение о положении русских солдат со стороны переводчиков перед французским населением и, главное, вызывающее отношение к отряду буржуазной и несознательной части французов, как к врагам, что резко расходилось с действительностью, и учитывая, наконец, чувство „тяги“ на родину, где всякий желал встать на защиту рабоче-крестьянской бедноты, бригада решила на занятия во Франции больше не ходить и требовать наискорейшей отправки в Россию.

В это время офицерство и большинство комитетов 3-й бригады повели усиленную пропаганду за посылку отряда на французский фронт, по первому требованию начальства, при этом высказывались за отделение 3-й бригады от 1-й.

Распустили ложный слух, будто 1-я бригада нападет и разоружит 3-ю бригаду. Об этом 24 июня сообщили генералу Занкевичу, который немедленно приехал на место и распорядился 3-ю бригаду вывести из лагеря ля-Куртин и расположить в 30 кил. от него, в лагере Фельтен. Вместе с 3-й бригадой ушло все офицерство 1-й бригады.

Перед расстрелом.

1-я особая пехотная бригада, за исключением немногих ушедших из нее в Фельтен солдат, осталась целиком в лагере ля-Куртин с частью (600 чел.) солдат 3-й бригады и 2-м маршевым батальоном. Численность куртинского отряда в это время достигала 11 с половиной тысяч человек, тогда как в Фельтене их было не более 5 тысяч.

Как в Куртине, так и в Фельтене были образованы свои отдель-

ные отрядные организации, с которыми начальство считалось по-своему: так, несмотря на то, что в Фельтене было солдат в два раза менее, чем куртинцев, с их организацией начальство считалось как с официальной, в то же время не признавая организации куртинцев.

Приехавший во Францию от Временного правительства профессор Сватиков в начале июля частным образом заехал в ля-Куртин и обратился к солдатам с приказанием итти на фронт, говоря при этом, что в России жизнь плоха, а в Петрограде вместо хлеба едят глину. После сделанного ему доклада тов. Балтайсом и Волковым 7-го июля он заявил: „Вас надо бить по башкам, как это только что было в Петрограде в дни 3—4 июля“.

Сношений у куртинцев с Россией не было, так как этого начальство не допускало, а ген. Занкевич, Лохвицкий, фронтовой комиссар Е. Рапп написали Керенскому по телеграфу о том, что первая бригада взбунтовалась и не исполняет их приказаний итти на французский фронт. Вследствие этого Керенский дал на имя Занкевича телеграмму от 15—16 июля 1917 года о том, чтобы первую бригаду (куртинцев) привести в подчинение, не останавливаясь пред применением даже вооруженной силы для восстановления железной дисциплины.

В это время куртинцы получили от генерала Занкевича и комиссара Раппа следующее предложение: 1) беспрекословно подчиниться распоряжению Временного правительства и его агентов; 2) распустить куртинские организации; 3) просить ушедших офицеров первой бригады вернуться в свои старые части и начать занятия; 4) произвести выборы в комитеты, но только так, чтобы не вошли старые члены организаций.

Такое предложение было отвергнуто. После этого в Куртине 19 июля был получен приказ за № 34 генерала Занкевича, по которому давался двухдневный срок для сдачи всего отряда без оружия на волю этих генералов. В эти два дня приезжавшие различные люди —Е. Рапп, Смирнов (член русской делегации по созыву стокгольмской конференции социалистов) и парижские эмигранты Морозов и Иванов—уговаривали куртинцев сдаться. Все они, науськанные генералами, обвиняли только солдат, а выслушивать солдатских объяснений и доводов не хотели.

Куртинцы в своей массе никак не могли себе представить, зачем требуется их обезоружение, когда их в Россию не отправляют, когда им был известен призыв Совета Солдат., Рабоч. и Кр. Депутатов, чтобы верные революции войска не сдавали оружия, хотя-бы по приказу начальства. Их же требование об отправке на родину было в этом смысле скромно и справедливо. Настало утро 21 июля, конец ультиматума, когда могли уже стрелять по лагерю, но на этот раз этого не случилось, то была только угроза

Незначительная часть вышла из Куртина, в том числе десятка два членов войсковых организаций, по той причине, что при создавшихся условиях они переменили тактику и решили работать среди массы третьей бригады, но все они предательски были арестованы, когда вышли из лагеря. 22 июля предложили куртинцам выйти навстречу третьей бригаде, для соединения ее с первой, и куртинцы вышли с музыкой за лагерь, но их обманом генерал Лохвицкий и комиссар Рапп завели в кольцо вооруженных рот 3-й бригады.

Но на этот раз выборные от куртинцев сумели убедить предателей генерала Занкевича, Лохвицкого и Раппа в ненужности кровопролития, которое немедленно должно было произойти при создавшихся условиях. Генералы тогда дали 1-й бригаде свободно вернуться обратно в Куртин. С этого дня пища была значительно убавлена. После этого было несколько предложений сдать оружие, но куртинцы, не находя для того причин, отказывались.

С 1-го августа пищу снова убавили на половину, но голод не сломил стойкости солдат. 3-ю бригаду, хотя тогда еще послушную, но имевшую комитеты, французское правительство на фронт не пускало, что ясно показывало его отношение к русской революции.

Выступление Корнилова против Временного правительства в конце августа было генералами и другим офицерством отряда встречено радостно. Оно совпало с моментом стягивания войск, как русских, так и французских, к Куртину—для осады.

Общее командование этими силами генералом Занкевичем было поручено генералу Беляеву (начальнику русских артиллерийских частей во Франции), а командиром сводного полка, выделенного из 3-й бригады для расстрела куртинцев, был назначен полковник Готуа (2-го полка); кроме того, были французские пехотные полки: 19, 78, 82, 105 и другие, кавалерия, артиллерия, а также и 2-я русская артиллерийская бригада. Все пушки, снаряды и патроны подавались по распоряжению французских властей. В ночь на 1-е сентября ля-Куртин был окружен этими войсками железным кольцом. Уже к этому дню все съестные запасы в лагере истощились. Первые два дня куртинцы обстреливались из ружей и пулеметов, а на третий день раздался взрыв шрапнели, и тут же пали первые жертвы предателей. Громили лагерь из орудий залпами в течение четырех дней, после чего оказалось до 600 человек убитыми и ранеными.

Целую неделю осады куртинцы, лишенные всякого довольствия, оставались голодными. Они могли немного питаться лишь мясом убитых снарядами лошадей. Ясно, что свободный русский оазис не мог держаться среди реакционной пустыни Франции, и к 7-му сентября куртинцы вышли из лагеря. Вслед за этим осаждавшие ворвались, как дикие звери, в лагерь, кололи штыками всех, кто еще

оставался в ля-Куртине. В особенности таким зверством отличался подпоручик 3-й бригады Урвачев. При выходе из лагеря куртинцев французы, да и некоторые русские, обирали и раздевали солдат до последней рубашки и снимали с ног сапоги. После расстрела арестовано было до 350 человек.

Из них 90 человек заключены в тюрьму города Бордо, а остальных отправили на остров Экс, но по прошествии трех месяцев они были высланы на принудительные работы в Африку. Оставшуюся часть куртинцев держали на открытом поле, почти без пищи, несколько дней, пока смогли забрать оружие, оставшееся в лагере, и зарыть трупы расстрелянных товарищей. Куртинцы снова были помещены в том же лагере, перетасованные и разбитые на 26 рот. Не говоря уже об усиленной дисциплине, пища давалась в половинном размере солдатского пайка. Табаку и жалованья они были лишены совсем. Организации никакие не допускались. Деньги, присланные на имя солдат из России от родных, товарищей и знакомых во Франции, им не выдавались. Так они прожили до конца ноября, а за это время часть из них успела уйти на принудительные работы.

Лагерь Курно.

3-я бригада еще до этого кровавого события была переведена из Фельтена в лагерь Курно. Из госпиталей все больные и раненые выписывались в Курно, а не в Куртин, куда им совершенно не разрешалось ездить, хотя они всецело были на стороне куртинцев. Перешедшие из Куртина солдаты 1-го полка вместе с прибывающими из госпиталей вели в Курно пропаганду за отправку отряда в Россию. После расстрела ля-Куртина курновцам было предложено итти на французский фронт, но только без комитетов и не целыми полками, а поротно, вливаясь во французские части, образуя к трем французских батальонам 4-й, русский. Опираясь на приказ Керенского об отправке отряда в Россию, не доверяя своему офицерству и мучимые совестью за невинно пролитую братскую кровь, они на фронт итти отказались.

Когда произошла в России великая октябрьская революция, то с отрядом считаться не стали, и на этот раз французская буржуазия выступила открыто, во главе с реакционером Клемансо, против русского отряда, который был совершенно отрезан от своей опоры—России.

Отправка ля-куртинцев в Африку.

В начале декабря начали выгонять куртинцев на работы, а тех, кто отказывался итти на работы, отправили в Африку при мно-

гочисленном конвое, в холодных телячьих вагонах. Так было отправлено до 4.000 человек.

В это время в Курно происходили митинги для подготовки выбора члена в учредительное собрание, которого французское и английское правительство сначала хотело пропустить в Россию, но вскоре все это было запрещено. Последний раз курновцам было предложено итти на фронт или на работу, если они не согласны на это, то их силой отправят в Африку. Нашлась только небольшая кучка изменников рабоче-крестьянскому делу, около 300 человек (в том числе много офицеров), которая составила легион и пошла на фронт. Большая часть курновцев пошла на принудительные работы, а те, которые отказались от работ и фронта, в числе 1.500 человек, были окружены со всех сторон войсками французов и сенегальцев и были погружены по 40—50 человек в холодные без окон вагоны и отправлены в Африку. Это было сделано по приказу (от 24 декабря 1917 г.) Клемансо. В том же приказе говорилось, что все русские во Франции должны подчиняться французским законам и ее военной дисциплине. После этого инвалидов, освобожденных по 2-му разряду, отправили тоже на принудительные работы. Ерскую команду выздоравливающих русских солдат, которая тоже всегда была на стороне куртинцев, быстро разогнали по работам, применяя при этом всю грубость военной силы.

Африка.

После расстрела ля-Куртина и разгона салоникского отряда солдаты были отосланы в Африку, где они несут самые тяжелые испытания как в физическом, так и в нравственном отношениях. Это особенно ясно из тех писем и рассказов товарищей, выдержки из которых мы здесь приводим.

„По прибытии в Африку,—сообщают товарищи,—мы узнали у местных жителей, что был отдан приказ по округу, в котором говорилось, что в скором времени сюда приезжают немцы, а на самом деле приехали русские,—вероятно, русских считали на положении немцев, если не хуже. Прибыв на место работ, мы были помещены в бараки, обнесенные кругом проволочными заграждениями, с расставленными вокруг часовыми. Скоро нас стали выгонять на различные принудительные работы. Пища была скверная. Так, хлеба давали 200 грамм и суп два раза в день совершенно без овощей. Однако выгоняли после этого на усиленные работы. Вследствие недоедания и каторжно-тяжелых работ, под постоянными штыками часовых, слабые духом начали колебаться и проситься в легион на позицию.

Наши начальники совместно с французами, видя это, стали

налегать и на остальных, предпринимая для этого более суровые меры; так давали приказания одеться и выстроиться в две минуты, поднимали в пять часов утра на работу и заканчивали ее в восемь часов вечера. Нужно было ходить четыре раза в день за дровами, делая по восьми километров в конец, и взбираться за ними по крутым скалам в лесу. Измученные работой и голодом, мы стали роптать на тех товарищей, которые пошли в легион, при этом старались удержать остальных, говоря, что мы лучше умрем здесь, чем пойдем бороться за права и привилегии наших угнетателей-французов. В таких тайных беседах нас заметил поручик французской службы, говоривший по-русски; он тут же отдал распоряжение, чтобы вся команда была немедленно выстроена, а сам тем временем приказал цветным солдатам подтащить четыре пулемета; приведя роту солдат и окружив лагерь, он потребовал выдачи виновников, развращающих тех солдат, которые желали итти в легион, грозя при этом расстрелом. На это было дано двадцать минут. Время прошло, и мы ответили, что пусть стреляет всех, но выдавать товарищей мы неспособны. Видя нашу стойкость, он дал наказ, чтобы более не повторялось подобных случаев. После этого мы двое суток были лишены пищи.

Нередко, уходя на работу рано утром, слабые и больные товарищи шли в околоток на осмотр, откуда их гнали без всякого осмотра обратно и в наказание навьючивали на них мешок песку или камня в два пуда, загоняли в проволочное заграждение (сделанное специально для этого) и там заставляли ходить целые сутки, за исключением одного часа отдыха, под постоянным глумлением часовых. Люди изнемогали от этого и падали. Их поднимали, предварительно давали передохнуть и, снабдив несколькими ударами под бок, опять принимались за пытку. На другой день такие мученики не имели сил подняться и итти на работу; к ним подходил часовой и начинал бить, стараясь этим поднять их.

Били чем попало и до тех пор, пока не брали на руки свои же товарищи и несли к месту работ. Нередко бывали случаи, когда изнуренные от жары и голода люди, идя на работу в сопровождении конных арабов, падали. Тогда их привязывали на канат и тянули по песку на работу. Обуви совершенно не давали, а если кто-либо ссылался на это, так его просто сажали на несколько дней в тюрьму, в совершенно темный карцер и на более худшую порцию хлеба; после этого солдаты обертывали кое-чем ноги и шли на работу.

Так в пустыню Сахару прислали после 25-дневного тюремного заключения во Франции 13 членов бывшего комитета команды выздоравливающих гор. Иера. Как только они прибыли туда, им сейчас же вручили тачки, как каторжникам, и под штыками часовых заставили возить камень, песок для устилки шоссейных

дорог и земли для осушки болот. Этот тяжелый труд был бесплатный. После таких работ заставляли насильно делать прогулки с ношею в несколько фунтов камня на груди, проходя несколько километров быстрым маршем, а нередко бегом.

Более сознательных товарищей из команды конные часовые арабы привязывали канатами к боку своего седла и таким образом тащили их несколько километров, часто бегущ по дороге. Многие лишались чувств от такой прогулки. Нередко пищу не выдавали по четверо суток, тогда солдати питались кожицей от картофеля, которая уже слишком два месяца лежала в ямах.

Пулеметы были всегда наготове. Несмотря на все эти пытки и издевательства, солдаты держались до последних сил и только уже совершенно обессиленные изнуренные, отправлялись французами в околоток. Еще такой случай: один купец, у которого группа русских солдат работала два с половиной месяца, не заплатил им ни гроша; работники-солдаты попросили хоть бы улучшить пищу, но он их арестовал и посадил в крепость гор. Крейлера, в темный сырой мешок. Смертность везде была большая от недоедания, от тяжелой каторжной работы и от знойно-душной 50-градусной жары Африки.

Все наши братья, находящиеся там, были лишены возможности писать свободно письма, кроме как по два письма в месяц, да и те доходят лоскутками во Францию. Цензура немилосердно вырезывает все вредные, по ее мнению, места.

Остров Экс.

Те передовые товарищи отряда русских войск во Франции, которые по произволу французских властей еще теперь томятся в казематах острова Экс, были взяты, главным образом, из членов войсковых организаций 1-й особой пехотной бригады. Они были арестованы 21 июня при выходе из лагеря ля-Куртин на станцию Клерво, по указанию военно-следственной русской комиссии, образованной генералом Николаевым, по приказу генерала Занкевича за № 33. Так здесь находится председатель полкового комитета 1-го полка Ян Балтайс, его товарищ М. Волковин и члены комитета Старов, Балявка, Баранов, Гусев 2-го полка, Гусев и др.,—все они сначала около месяца содержались на бригадной гауптвахте 3-й бригады, под караулом цветных войск, а потом несколько месяцев были заключены в тюрьме города Бордо, где помещались в темных камерах, на голом полу. Давали им самое малое количество плохой пищи; прогулки не допускались, держать книги для чтения и письменные принадлежности не разрешалось. Число заключенных здесь было 18 человек. Оставшиеся члены ля-куртинских комитетов, во главе с товарищем Глобой, и много других, взятых после расстрела ля-Кур-

тина 7-го сентября, были заключены в тюрьму города Бордо. Их насчитывалось до 90 человек. Обе эти группы заключены на остров Экс при переходе отряда под французскую власть. После сюда же были присланы русские солдаты, обвинявшиеся в пораженческой пропаганде, отдельно арестованные (в разное время и в разных местах) в 1918 году, когда уже отряд был в подчинении французским законам и строгой военной дисциплине (приказ за № 23 § 4 города Лаваль). Так, сюда был прислан Петр Киляев, председатель куртинского комитета.

Брошенные без суда в казематы этого острова на бессрочное время французскими палачами, стоящими у власти, эти арестованные находятся в ужасных условиях. Со дня ареста они испытывали и испытывают чувство голода, довольствуясь ничтожным количеством плохого качества бульона, 200—250 граммами хлеба и кружкой плохого кофе в день.

Камеры форта—сырые и холодные; эти каменные мешки находятся ниже уровня моря, отчего постоянная сырость и грязь. Прогулка допускается на 25 минут в сутки, на крошечном дворике. Белья и табаку не дают. На основании того же приказа за № 23 § 3 они не имеют права на лечение. Это варварское распоряжение при указанных условиях вызывает много случаев заболеваемости. Кроме того, здесь много жертв унес и уносит испанский грипп. Были нередко дни, когда хоронили в один раз по десять человек. Ранее здоровые физически и крепкие духом люди в борьбе за рабоче-крестьянское дело теперь обречены на медленное и мучительное умирание. Число таких борцов-заключенных колеблется от 250 до 300 человек.

Инвалиды.

Французское министерство и русское генеральное командование, отправив в Россию в сентябре 1917 г. партию инвалидов, решило более не отправлять из пределов Франции ни одного русского солдата, не обращая внимания на их усиленные просьбы об отправке в Россию. Ответ у них был один: „у нас для отправки нет пароходов“. Несмотря на такие ответы, инвалиды сами принимали меры для выяснения возможной отправки в Россию.

Так в ноябре 1917 года они узнали, что в порту Брест находится русский пароход „Курск“. Было по этому поводу созвано собрание, на котором инвалиды избрали делегацию в Париж к генералу Занкевичу (бывшему представителем Временного правительства Керенского) с требованием отправки на пароходе „Курск“ на родину.

Генерал Занкевич, не зная, как уклониться от этого требования, нашел один выход—дать приказ по тыловому управлению за № 410, который говорил: „Пароход „Курск“ действительно пойдет в

Россию, но в виду политических обстоятельств будет задержан в Англии, и на него могут принять только 300 человек, которых я решил отправить до Англии. „Курск“ пойдет без сопровождения конвоя миноносок, и в данном случае поехать на нем могут лишь те инвалиды, которые заранее дадут свою подписку в том, что они едут на свой собственный риск“ (этим генерал хотел застращать инвалидов). Инвалиды дали такую подписку, но все-таки они этим не достигли своей цели, потому что на пути встала французская буржуазия, пустив в ход своих агентов в виде врачей. Так на другой же день приехал в депо инвалидов врач этого округа У. Манский, который собрал экстренное собрание и стал принуждать инвалидов, чтобы они присоединились к заранее приготовленной им резолюции о поддержании власти Керенского. Инвалиды, поняв, что тут делается что-то умышленное, единогласно ему ответили, что у нас, в России, есть советы, которые мы будем поддерживать. Это собрание, длившееся несколько часов, было закрыто самими же инвалидами, которые решительно отказались вынести предложенную доктором резолюцию. Несмотря на это, У. Манский поместил свою резолюцию в русской и французской прессе в Париже, где указал, что инвалиды все присоединяются к Временному правительству Керенского. Вот каким путем они говорили за весь русский отряд, находящийся во Франции.

За этот протест против Временного правительства Керенского инвалиды были все расформированы маленькими группами по разным госпиталям. Французское и русское командование, увидя после этого в инвалидах открытого врага своих интересов, стало принуждать их к работам и тормозить этим отправку в Россию. Здесь ясно сказалась их боязнь, что выпущенные инвалиды разоблачат их предательское поведение.

Когда по приказу Клемансо от 24 декабря 1917 г. весь русский отряд перешел под командование французов, была назначена французская комиссия, которая должна была выбрать работоспособных инвалидов, чтоб привлечь их, „на законном основании“, к труду наравне с здоровыми.

Инвалиды протестовали, не признавая французской комиссии. Здесь на помощь французской буржуазии пришел генерал Лохвицкий, принявший командование русским отрядом от французского министерства. Он дал приказ за № 34, где ясно сказано: реформированные солдаты, признанные годными к работе, но отказавшиеся от нее, будут высланы в депо французских полков и в течение месяца будут находиться там, а по истечении срока получат гражданские паспорта и будут предоставлены своей собственной судьбе.

В марте месяце 1918 года была назначена вторая комиссия для инвалидов. В эту комиссию входили два русских врача—Бори-

сов и Корнер. Опираясь на эту франко-русскую комиссию, они разогнали инвалидов по депо французских тыловых полков и поместили в старые сырые казармы, где их морили голодом, выдавая до 250 граммов хлеба. В виду всех этих тяжелых условий развились частые заболевания. Медицинская помощь совершенно не оказывалась. Иногда врачи пришедшему инвалиду выдавали на французском языке записку для передачи ее заведующему офицеру, в которой были отметки, что он вполне здоров, но лентяй.

За такой запиской следовал обычно арест от 5 до 8 суток. В это время стали сокращать лечение инвалидов и выписывать их из госпиталей с незалеченными ранами. При этом произвол доходил до размеров варварства. Так, 19 января 1917 года инвалид Барятинский попросил у заведующего госпиталя № 50 в С-т Мало, чтобы вечером дали свет в помещении. Этот госпиталь совершенно не освещался. Заведующий госпиталем распорядился инвалида Барятинского арестовать за эту просьбу и отправить на гауптвахту, но Барятинский в виду слабости своего здоровья отказался пойти из госпиталя в сырой каземат тюрьмы. На другой день, 20 января, явился к госпиталю под командой полковника Коленьи батальон солдат и эскадрон кавалерии, окружили госпиталь в кольцо, загнали инвалидов по своим комнатам и расставили к каждой комнате часовых, при чем те из инвалидов, кто старался выйти из комнаты, получали удар прикладом. Французские солдаты в присутствии полковника Коленьи и других офицеров [illegible] в комнату инвалида Барятинского, избили его до полусмерти прикладами, разбили ему зубы и вынесли его без признаков жизни из госпиталя на бульвар, где его ожидал приготовленный автомобил. Когда его выносили, лицо было завязано в белое полотно, сквозь которое лилась кровь. Когда несли его, то солдаты, не переставая, били прикладами и бросили на бульвар, где он долго лежал раздетый. Затем по команде бросили его в автомобиль и увезли под арест.

Французскому гражданскому населению они рассказали, что этот русский инвалид какой-то преступник и заслуживает такого наказания. Все русские инвалиды были перепуганы такой зверской расправой французского начальства и не видели никакой гарантии от повторения подобных нападений.

27 февраля, в день русской революции, инвалиды все собрались в солдатский дом, откуда хотели направиться с красным флагом на кладбище своих товарищей и возложить на могилы венок. Узнав об этом, тот же полковник Коленьи выставил по городу вооруженных часовых, к солдатскому дому явился сам с ротой вооруженных солдат и, увидев у инвалидов приколотые на груди красные банты, стал срывать их. Так же поступал один из русских офицеров штабс-капитан Нечаев, комендант этого района. Выход инвалидав

был воспрещен под угрозой, что, если они попытаются пойти с манифестацией, произойдет кровавое столкновение. Инвалиды, видя пред собой вооруженную силу, решили не делать манифестации. Они поодиночке направились в город. По дороге французские офицеры, стоящие настраже, срывали у них красные эмблемы и затаптывали в грязь.

После второго переосвидетельствования и разгона инвалидов по французским полкам не избежали гонения и те из них, которые по своему тяжелому ранению оставались еще в госпиталях. Например, в госпитале 86 доктор Меляме посылал инвалидов на принудительные работы, на разгрузку из пароходов угля и другие тяжелые работы. Отказавшихся от работ доктор выписывал из госпиталя в рабочую роту или арестовывал, отправлял по тюрьмам и островам. После такой отправки персонал госпиталя нередко устраивал увеселительные балы и вечера. Доктор часто приходил к инвалидам в столовую и с поднятыми кверху кулаками кричал на калек: „вы— дураки, глупцы, идиоты и продажные жулики большевизма, я вам покажу, как не признавать начальников; всех вас, пропагандистов, заморю голодом по тюрьмам". Вот до чего обезумела французская буржуазия и ее приспешники, врачи и сестры, при помощи которых из госпиталей сделали жандармские участки.

В мае месяце 1918 года всех инвалидов собрали в гор. Гавр, откуда предполагалась отправка в Россию, но там их продержали две недели и возвратили обратно по тем же полкам, но не поместили и в сырые казармы, а загнали по чердакам и конюшням, где сквозь дырявые крыши шел дождь на постели инвалидов. Возвращение же мотивировали тем, что Архангельский порт сгорел, а Мурманск разрушен. Мы отлично учитывали, что они нас и не хотели отправить на родину, а сгоняли в порт для того, чтобы обмануть своих рабочих, которые требовали, чтобы русские инвалиды были отправлены в Россию. При возвращении из Гавра инвалидов везде встречали с вооруженным конвоем, который сопровождал их до тех конюшен и сараев, где они должны были влачить жалкую жизнь. Принуждали их исполнять полковые работы; бесплатно гоняли на станцию выгружать тяжелые мешки с картофелем и на другие тяжелые работы. Инвалиды, видя над собою такое издевательство, стали усиленно требовать отправки на родину или же улучшения материального положения. Но французские власти и тут не упустили из виду своей выгоды. Министерство распорядилось сделать в третий раз переосвидетельствование. По приказу, отданному генералом д'Амат по 10 военному округу от 28 июля 1918 года, инвалидов разбили на три категории, чтобы посеять между ними раздор. Конечно, они этим не улучшили быта инвалидов, а еще в несколько раз ухудшили его. Две трети стали принуждаться ко всяким тяжелым работам, рассылаться к кулакам

на самые трудные хозяйственные работы по фермам; обычно при этом в казармы приходили кулаки с заведующим офицером, выбирали какого им нужно из инвалидов и увозили, не считаясь с состоянием его здоровья. Нередко офицер говорил в таких случаях: „У тебя вон какая здоровая морда, как у быка,—ты вытерпишь".

В городе С-т Брис группа инвалидов была вынуждена пойти на работу, чтобы помочь своим беспомощным товарищам, избавить их от грозящего им голода. Работали на частном заводе, получали 2 франка 60 сан. в сутки и впоследствии узнали, что из этого заработка одна часть должна вычитаться на жизнь русских офицеров; стали против этого протестовать, заявляя, что прекратят работу. Один оказался изменником общему делу, пошел на работу и за эту плату. После работы ему стали товарищи говорить, почему он отступил от общего постановления, выдав этим поступком своих товарищей. Иванченко (так звали этого солдата) назвал своих товарищей большевиками и при подстрекательстве французов выхватил браунинг, застрелив на-смерть двоих из товарищей. Французам Иванченко заявил, что те, кто бросил на заводе работу, вели большевистского характера пропаганду, сбивая французских рабочих устроить забастовку. Он был оправдан, а из-за его клеветы 7 человек инвалидов сидели по 3 месяца в тюрьме.

При депо 5-го артиллерийского полка города Авранжа, где помещалась одна из групп инвалидов, дисциплина была такая, что все должны были носить форму Николаевского времени, а отдания чести требовали даже ефрейтора. При входе в помещение поручик Лафевр, который в то же время был католическим священником, приказывал бывшим унтер-офицерам из инвалидов командовать „смир-но" по-русски, как во время Романовых, а калеки, не исключая и безногих, одетые по форме, в шинелях, принуждены были стоять на местах, а в случае нарушения этих правил дисциплины их сажали в карцер от 4 до 12 суток.

Однажды был такой случай: безрукий калека Войтенко был арестован вышеуказанным поручиком за отказ чистить картофель на кухне и был посажен в карцер на 8 суток. Чтобы выручить товарища, группа устроила голодовку. Тогда был спешно вызван от командира прапорщик Лившиц. Назвав это голодным бунтом, за который по французским законам действительно могут сослать на каторжные работы от 5 до 10 лет, он хотел узнать организаторов голодовки и заключить их на остров Экс, но это ему не удалось, и только двое были посажены в карцер. Арестованный же инвалид Войтенко так и отсидел свой срок. Этот прапорщик Лившиц в заключение просил местное начальство города усилить дисциплину и убавить довольствие инвалидов.

Голодовка—это последнее орудие в руках инвалидов—организовалась русскими во Франции повсюду. Французская же буржуазия и

тут находила средства оправдания для себя, ложно помещая в список инвалидов умерших от испанского гриппа и людей, которые на деле гибли от недоедания и мучений.

За организацию голодовок или же открытых выступлений против незаконных деяний французских властей инвалиды высылались в дисциплинарный лагерь (в 94-й французский полк), куда было сослано из разных групп 13 человек, среди которых были безногие и безрукие.

Они испытывали самые тяжелые мучения, помещены были в бараки с земляным полом. Сквозь крыши барака лил дождь, не позволяя ни минуты находиться на одном месте; инвалиды были вынуждены всю ночь маршировать по бараку, перетаскивая свои матрацы в тот уголок, где бы можно было хотя на несколько минут укрыться от дождя. Барак никогда не отапливался, и они, мокрые, голодные и больные, находились там по семь месяцев. Комендант лагеря, видя, что никакими угрозами не может привлечь их к работе (хотя даже сажал их по одиночным темным камерам), решил пустить в ход самое страшное орудие: в день приезда Вильсона в Париж все торжествовали, французским солдатам была улучшена пища, но тем русским калекам, которые находились в этом лагере, отказали совершенно выдавать горячую пищу, кроме 200 грамм хлеба в сутки. Так до самого отъезда на родину они переносили все тяжести, но были тверды духом и не подчинялись этим насильникам.

Салоникский отряд.

Салоникские войска, подобно бывшим войскам во Франции, были присланы Николаем. Общее число их с пополнениями достигает до 35.000 человек.

Командование было русское, с подчинением высшему французскому командованию.

Самые худшие участки македонского и сербского фронта были даны этому отряду.

Горная местность не давала возможности устраивать правильные окопы: людям приходилось часто укрываться только за камнями. Здесь лежали они в течение дня, не поднимая головы, и до самой ночи; при сильном обстреле артиллерией была всегда большая смертность.

Доставка продуктов происходила при помощи мулов, страшно медленно и нерегулярно, так что были периоды, когда по неделям сидели на 200 граммах хлеба, а то по несколько суток и без него (так, 7-й полк сидел 3 суток без всего).

При плохом питании, скверной македонской воде солдаты страшно страдали малярией. Болезнь эта изнуряет человека до полного истощения.

Здесь же, в горах Македонии, а потом и Албании было много случаев обмораживания. Несмотря на это, русские части своим

наступательным движением взяли монастырь и продвинулись почти на 100 километров вглубь, а затем в течение 11 месяцев сдерживали фронт почти на 30 километров в длину.

Вести о начале революции, о днях загоревшейся свободы России от солдат тщательно скрывали, и только три месяца спустя после свержения царя было кратко объявлено: царь отрекся от престола.

Но и после этого весь отряд держался принудительным образом до января месяца 1918 года. Когда солдаты, выведенные из терпения, потребовали смены на отдых, их постигла та же участь, что и отряд во Франции.

По приказу французского главнокомандующего отводящиеся части быстро уводились в тыл и группировались около местечка Верни; здесь их всех соединили в части, окружили конными арабами и гнали куда-то голодных в течение целых суток, делая при этом переход в 30 килом.

Во время этого путешествия применялись все меры насилий и принуждений, чтобы заставить измученных людей вылить свое раздражение в открытое восстание. Но этим они только укрепляли у солдат стремление вернуться в Россию на заслуженный отдых. Это требование русских солдат было, видимо, желанным сигналом для обнаглевших французских властей.

Началось издевательство и избиение беззащитных усталых людей.

После бесцельных перегонов отдельных частей из одного места в другое они, наконец, были соединены около того же местечка Верни: солдаты, измученные дорогой, расположились на отдых под открытым небом и осенним дождем.

Чтобы согреться, они разбрелись по кустам набрать дров,— вдруг последовала команда французских офицеров собраться всем в течение 5 минут; люди не успели этого сделать во-время; тогда арабы, по той же команде, с обнаженными шашками врезались в расшедшуюся по кустам толпу и начали рубить направо и налево. В результате 10 человек было зарублено на-смерть и много ранено, потом всех согнали в кучу и приказали положить вещи на землю и отойти.

После, спустя минут 10—15, когда каждый подошел к своему мешку, то никаких вещей не оказалось, кроме как изодранных рубах и поломанных мелких солдатских вещей.

Глумясь, арабы говорили, что отобранные вещи они взяли „на память“ о русских.

После такого глумления 4 тысячи солдат опять тут же погнали дальше, без пищи и отдыха. Шли в течение полуторы суток все время около полотна железной дороги. „Для русских нет у нас поездов и вагонов“,—издевались французские офицеры. Только к обеду на второй день пригнали к какому-то местечку, где уже было более 12.000 русских солдат, тоже пригнанных сюда с такими же мытарствами. Здесь ранее прибывшие товарищи передали, что они вот уже второй день лежат под дождем, на сырой земле, окруженные трой-

ным кольцом цветных войск, с пушками и пулеметами, за крепким проволочным заграждением, и за все время получили по одному разу кофе и ломтику черствого хлеба.

Передовые солдаты-вожаки поднимали дух, призывая не сдаваться на обманы и уловки мучителей. На четвертый день началась разбивка по категориям: кто на фронт—сражаться, кто на работу, а кто отказывается совсем—в Африку.

Первый день после этого объявления никто не хотел итти никуда, требуя отправки в Россию или на отдых. Начались расстрелы вожаков (было расстреляно 6 унтер-офицеров), измор голодом и холодом. У некоторых солдат дрогнули нервы, они стали записываться в легион, часть других—на работу, но большинство, около 18 тысяч, еще продолжали держаться под дождем и голодом в течение трех дней, а потом сдались; их быстро отправили в Африку. Те же, кто пошел на работу, были увезены на бесплатные работы по проводке военных шоссе. Легионеры были выделены особо и удовлетворены всем.

В эти тяжелые дни особенно старались употребить все хитрости и обманы русские переводчики, видимо, получавшие лишний куш за каждого записавшегося в легион. Без вожаков, сбитые с толку, измученные люди слушали этих глупых предателей. После такой насильственной разбивки команды были совершенно изолированы одна от другой, но, несмотря на это, связь между ними была через посредство прорывающихся товарищей, и отовсюду, сквозь стон страданий, несся бодрящий голос заключенных: „Крепимся, товарищи! Жарко и голодно, но ничего, перенесем, потом возвратимся, вспомним“. Этот затаенный крик несся шопотом через сырые подземелья острова Экс, через форты Безансона и долетал до депо инвалидов в Генгана, С-т Мало и Парижа. Так поступили „верные“ союзники с отрезанным от родины Салоникским отрядом.

В это время во Франции прошел уже расстрел ля-Куртина, где за отказ пойти на фронт и требование отправить в Россию было убито и ранено до 600 человек.

Люди были частью сосланы в Африку, а большая часть раскидана по вновь образованным рабочим ротам по всей Франции. Эти новые застенки XX века, „рáбочие роты“, носили везде главный французский девиз, трудно применимый к калекам,—„не работаешь—не ешь“.

Благодаря такому благородному девизу, люди с одной рукой, с невынутыми осколками, больные малярией, чахоточные, все шли (или, вернее, их гнали) на работы в шахты, на рубку леса, на разбивку камня, на трудные земляные работы по фермам, и везде при скверном питании был средний рабочий день 12—14 часов.

Жалобы, просьбы, мольбы считались как отказ, и наказанием

было 8—10 суток ареста. Измученные солдаты умирали на глазах бывших начальников, офицеров, и те, заглушая остатки своей совести, говорили, что „это не мы, это французские власти так делают“. Французов-начальников ставили в роты таких, которые раньше были на русской военной службе; у многих были дома в Москве и Петрограде, отнятые у них Советской властью, большевиками, почему вся месть их выливалась на подчиненных им теперь русских солдат. Так, в Невере лейтенант Гари совершенно не обращал внимания на больных, валяющихся в грязной конюшне, и когда ему доложили из команды об этом, то он засадил докладчика на 20 суток строгого тюремного заключения. Там же французский унтер-офицер велел двум своим солдатам зарядить винтовки и стрелять в русского солдата, который не мог вследствие тяжелого ранения вынести кадки с человеческими извержениями.

В других ротах, разбросанных по разным углам Франции, люди болели и умирали от холода, заразных болезней и испанского грипа. Этому много способствовали помещения, в большей части просто конюшни, сараи и старые сырые подвалы, заброшенные заводы и фабрики. В них отсутствовали самые элементарные гигиенические условия, медицинская помощь редко приходила во-время.

Одна из характерных сцен французского командования над русскими рабочими ротами разыгралась в 5-й рабочей роте около швейцарской границы. Вследствие скудного питания солдаты стали просить командира роты, французского офицера, чтобы им улучшили помещение и пищу. Тот, не дослушав этой скромной просьбы, немедленно вызвал полк пехоты и часть кавалерии с пулеметами. Окружили место нахождения роты боевым порядком, в две цепи. Командир обратился с требованием выдать 76 человек зачинщиков, но все отказались. Тогда дан был приказ первой цепи пододвинуться и взять ружья на изготовку. Еще слово,—и произошел бы расстрел. Тогда те, кого требовали, сами вышли вперед, спасая этим своих товарищей. Их тут же посадили в автомобили и увезли в Африку.

За неотдание чести, хождение без погонов полагалось от 8 до 15 суток ареста. По своему произволу любой начальник роты назначением на тяжелые работы мог довести до полного изнурения любого солдата его роты. Так было в рабочих ротах. Охватить все случаи произвола нет возможности в этом небольшом докладе. В исправительных же ротах Безансона и ей подобных люди работали прикованные к тачке, полуголодные в шахтах от 12 до 14 часов. Они доходили до того, что клали под нагруженные тачки руки или ноги, чтобы им отрезало их,—это был единственный выход из положения. После увечья „счастливец“ попадал в госпиталь и отдыхал там. Полная беззащитность русских солдат-рабов давала полный простор произволу французских кулаков

промышленников и купцов, которым они отдавались в безотчетное распоряжение. Солдаты не смели переходить от одного к другому. Так, в маленьком городке Морьяке-Клермон-Ферар, куда прибыла партия социалистов в 34 чел., нас встретил типичный французский кулак-лесопромышленник; попили кофе и пошли на работу: разгружать балки, таскать дрова и уголь. К вечеру полил дождь, на другой и третий день тоже, и поэтому мы не выходили на работу. Тогда хозяин заявил: „Не работаете—не будете кушать"; нам же без карточек ничего нельзя было достать. Спасли нас только местные жители, которые тайком приносили нам по кусочку хлеба. Хозяин, видя такое сочувственное отношение населения, напечатал в местной газете статью, что к нему прибыла партия большевиков, которые не хотят работать и возмущают местное население. На другой день явились 20 жандармов, окружили наше помещение с целью осады, и только наше заявление, что мы обратились с жалобой лично к Клемансо, спасло нас от вооруженного столкновения и мордобития.

Потом всех нас разбросали по разным округам. Так, а часто и в более вопиющей форме почти везде издевались над нами кулаки, опираясь на защиту жандармов—слуг Клемансо. Население же в большинстве случаев относилось к нам сочувственно, не говоря уже о тех организованных рабочих ячейках, которые можно было встретить в провинции. В центральных же городах, как Париж, Лион, Брест, Марсель и др., рабочее движение, несмотря на буржуазную прессу, извращающую положение дел в России, поддерживало борьбу рабоче-крестьянской России. Особенно резко началось проявляться это движение после подписания перемирия с Германией.

Колоссальные манифестации - митинги, устраиваемые газетой „Попюлэр" в больших городах Франции, готовили массу горючего материала, накопившегося за время властвования „отца победы" Клемансо. На всех митингах краеугольным камнем стоял вопрос о России, но широкий размах ее революции, видимо, был страшен для части французских рабочих. Их вожди, Ланге и др., ссылались на то, что „мы не можем открыть ворота революции, пока над нами висят американские и английские штыки".

Несмотря, однако, на это, особенно резко вылился протест французского пролетариата в день приезда Вильсона, когда, несмотря на запрещение, стотысячная толпа рабочих и инвалидов с красными знаменами, с девизами: „да здравствует Интернационал", „да здравствует русская революция", „долой Клемансо и Ллойд-Джорджа",—прошла по большим бульварам Парижа. Власти были перепуганы и смущены. Все силы конных кирасир, жандармов, полиции и драгун были стянуты по пути шествия. Однако манифестации дошли до назначенного пути (площади Республика), здесь красное знамя было сорвано, в толпу врезались конные кирасиры,

и тысячи манифестантов разбежались в разных направлениях. Но социалисты Франции на второй день отметили это шествие как первую победу. Недовольство демобилизованных солдат, оказавшихся без работы, ползающих по улицам калек-инвалидов делает свое дело, подрывая буржуазный строй Франции. Вулкан уже дымится.

Товарищи! Здесь в целом ряде сухих фактов, перечитанных вами и еще переживаемых нашими товарищами во Франции, вы видите всю издевательски-наглую политику буржуазно-капиталистического строя по отношению к тем рабочим, которые имеют смелость не только не уважать привилегий капиталистов, но еще и не исполняют их приказаний. Все утонченные и насильственные пытки, какие может дать современная цивилизация, пускаются в ход против таких бунтовщиков. Вы видите, что до тех пор, пока французской буржуазии была нужна эта лучшая боевая сила—русский отряд, они заглушали сознание каждого солдата тем, что на путях прохождения засыпали его цветами, восхваляли его стойкость, железное мужество в борьбе с врагом. И одурманенные этим массы отдавали свои лучшие силы и даже жизнь на жертвенник всепожирающего бога—капитала и его жрецов—купцов, фабрикантов и кулаков. Но это длилось только до тех пор, пока спало сознание, но как только сбрасывалась эта искусственная повязка с глаз солдата, то его уже нельзя было никакими приемами пыток поставить в первоначальное положение раба, заключенного в спокойствие пирующего в довольствии господина. Он не хотел быть „живым мясом“.

Русского солдата тянуло на родину, от которой он теми же господами был отделен стеной штыков. Однако это умышленное отделение еще больше в каждом русском солдате укрепляло стремление в ряды бойцов, за дорогое ему дело рабоче-крестьянской власти.

Товарищи! В этот решительный момент права трудового класса утверждаются на всем огромном пространстве России. Нужно напрячь все свои силы на спасение и упрочение рабоче-крестьянской Советской власти.

На помощь этой общемировой борьбе за права всех трудящихся уже спешат товарищи-рабочие и крестьяне Запада.

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Советская Федеративная Республика!

Да здравствуют права трудящихся всего мира!

Долой захватчиков-империалистов!

Тип. Центрального Т-ва „Коопер. Изд.“, Москва, Б. Дмитровка, 26.

